

## ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ГОРОЖАН И БЕЖЕНЦЕВ НА ТЕРРИТОРИИ ТЫЛОВОГО ГОРОДА В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПОВОЛЖЬЯ)

© 2014 Е.Ю. Семенова

Поволжский филиал Института российской истории РАН, г. Самара,  
Самарский государственный технический университет

Поступила в редакцию 23.10.2014

В статье проанализированы направления взаимодействия тылового городского населения с беженцами в годы Первой мировой войны. Выявлены экономические, этнические, конфессиональные, демографические факторы, выделяющие для местного населения присутствие беженцев на территории поволжского города.

*Ключевые слова:* беженцы, повседневность, горожане, Первая мировая война, Поволжье.

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта № 14-11-63004 а(р) «Российский город в годы Первой мировой войны: на материалах Поволжья (1914-1918 гг.)».*

История российского беженства, как убедительно показывают в своём исследовании Н.В. Суржикова, Н.А. Михалев и С.А. Пьянков, – многоаспектная тема, разрабатываемая в отечественной и зарубежной историографии, особенно в последние несколько десятилетий<sup>1</sup>.

Одним из малоизученных направлений истории беженства является взаимодействие городского населения тыловых районов России с данной группой населения и её отдельными представителями. Указанная проблема поднималась в ряде научных работ в контексте выявления составляющих влияния беженцев на общественные настроения населения. В частности, авторы разработали вопросы правового положения беженцев на территории тыловых районов России, их количественного состава, обустройства<sup>2</sup>.

Влиянию беженцев на общество дана неоднозначная оценка. Одни исследователи увидели в беженстве прежде всего стимул для проявления населением тыла благотворительности, сопереживания<sup>3</sup>. Другие авторы отметили противоречивость восприятия беженцев местным обществом, выступившим благотворителем в отношении «пассивных получателей помощи», которые стали причиной перенаселенности городской территории с вытекающими из этого обстоятельства неблагоприятными последствиями<sup>4</sup>.

По нашему мнению, проблема беженства в годы войны стала составляющей не только быта, но и мировоззрения, настроений, поведения горожан. Она выражалась в проявлении эмпатии,

*Семенова Екатерина Юрьевна, доктор исторических наук, старший научный сотрудник Поволжского филиала ИРИ РАН, профессор Самарского государственного технического университета. E-mail: dashka129k@yandex.ru*

желания помочь пострадавшему человеку, социальной практике участия в благотворительности. Но масштабы беженства вызвали зависть, озлобление, антисемитизм, идеи о несостоятельности власти в преодолении кризисных явлений<sup>5</sup>.

Целью же настоящей статьи является анализ направлений взаимодействия горожан Поволжья как представителей тылового населения с беженцами в условиях Первой мировой войны.

Можно выделить несколько основных направлений, по которым осуществлялось взаимодействие горожан с прибывающими на территорию Поволжья беженцами. Одно из них было связано с проживанием беженцев в частных домах, на квартирах, находившихся в собственности жителей города. Такой порядок размещения беженцев на территории населенного пункта предполагал наем помещений у частных лиц. Например, в Ярославле часть беженцев, прибывших 24 июля 1915 г. из Ломжинской и Плоцкой губерний, разместили в здании магазина Дунаева<sup>6</sup>. В Рыбинске более 400 беженцев, прибывших из Курляндской губернии в середине июля 1915 г., расселили по квартирам обывателей<sup>7</sup>. Также поступили и с беженцами, прибывшими в город Мамадыш Казанской губернии в октябре 1915 г.<sup>8</sup> В Саратовской губернии, например, к началу декабря 1916 г. в губернском городе Саратов было нанято для расселения беженцев 34 помещения, в городе Вольск – 13, в городе Сердобск – 1, в посаде Дубовка – 2<sup>9</sup>.

Вместимость помещений и количественное размещение в них беженцев были очень разными. Так, к концу декабря 1916 г. в Вольске в здании, принадлежавшем домовладелице М.А. Молодцовой (на улице Миллионной, 4), на 1/4 ча-

сти дома, общая площадь которого составляла 202,5 квадратных аршина, были расселены 14 беженцев, и, таким образом, на каждого в среднем приходилось по 3,6 квадратных аршина<sup>10</sup>. А в Саратове в деревянном доме домовладельца Галахова (улица Цыганская, 154) площадью 648 квадратных аршина разместили 85 человек, на каждого из которых в среднем приходилось по 7,6 квадратных аршина<sup>11</sup>. В апреле 1916 г. в Саратове по адресам размещения беженцев в 32 домах в каждом проживали от минимум 1 до максимум 132 человек, а в посаде Дубовка всего в двух зданиях (деревянном и каменном) были расселены 474 и 538 беженцев<sup>12</sup>.

Домовладельцы получали за аренду у них помещения доход. Кроме того, дом, как правило, страховался на приличную сумму. Так, саратовский домовладелец Бокачѳв к декабрю 1916 г. сдавал в аренду 3 каменно-деревянных дома по улице Дворянской, 39. Дом предоставлялся под размещение 105 беженцев-литовцев, на основании платы за аренду в 100 руб. в месяц, страховой премии в 200 руб. при страховке на сумму 87000 руб.<sup>13</sup> Вольский домовладелец Стефан Гаврилович Судаков к концу ноября 1916 г. сдавал деревянный дом площадью в 70 квадратных аршина за плату в 12 руб. в месяц. Дом был оценен в 3000 руб., застрахован на 2000 руб.<sup>14</sup> В Царицыне местный отдел Всероссийского общества попечения о беженцах к концу 1916 г. арендовал для размещения 60 беженцев школу кройки и шитья и сарай при данной школе за 2400 руб. в год (то есть среднемесячная арендная плата составляла 200 руб.)<sup>15</sup>.

Таким образом, в данном случае взаимодействие горожан с беженцами осуществлялось не напрямую, а косвенно, через структуры, занимавшиеся размещением беженцев, но именно на его основе горожане получали стабильный доход, который в условиях инфляции военного периода был совсем не лишним.

Другое направление взаимодействия горожан с беженцами было связано с трудоустройством последних на работу на городские и земские предприятия, службы и т.п., а также к частным лицам. Причѳм в рамках данного направления взаимодействие носило противоречивые последствия. Часть населения, имеющая собственность и нуждающаяся в рабочих руках, была рада возможности обретения таковых как существенной помощи в хозяйстве. Например, в письме от 13 июля 1916 г., адресованном главноуполномоченному по устройству беженцев Саратовской и Астраханской губерний одним из уполномоченных, сообщалось, что в посаде Дубовка можно оставить на зиму 1450 беженцев, и отмечалось: «Погрузка беженцев в Дубовке идет очень спокойно и споро.

Но пятнадцатого отправки не состоится... местные жители имеют не менее 8000 десятин земли.

Затем вокруг Дубовки имеются лесопильные

заводы и большие бахчи, сады.

Вот это обстоятельство побудило городское управление подать мне заявление оставить у них до 2000 беженцев на зимовку.

Я дерзнул согласиться на 1400 чел...

К ходатайству Управы и горожан Дубовки позволяю себе присоединить с покорнейшей просьбой оставить... 1450 беженцев, иначе многие промышленные заведения придется закрыть, а поля (пшеница и яровые хлеба), бахчи и сады останутся необранными.

Затем в своем заявлении Городское управление сообщает, что оставить на зиму 1450 беженцев не составит для Дубовки никаких забот»<sup>16</sup>.

Однако часть населения в лице работодателей отмечали, что беженцы работают плохо, требуют «непомерную плату», «работают крайне мало» и в результате «выгодно платить своему 60 руб., чем беженцу 40»<sup>17</sup>.

Для трудящегося, особенно малоквалифицированного горожанина, беженцы являлись конкурентами в получении работы, приемлемо оплачиваемой, и сбивали цену на рабочие руки. В таблице 1 представлены данные о подѳнной и месячной зарплате работников одной специальности, местных и беженцев, в Астрахани летом 1916 г. Они показывают, что аналогичный труд беженцев оплачивался существенно ниже. Разрыв в месячной зарплате составлял 17-40%, в подѳнной – 13-43%. При таких расценках предпринимателям было выгоднее использовать труд беженцев.

Еще одно направление взаимодействия горожан и беженцев складывалось в процессе обеспечения беженцев необходимыми ресурсами, в том числе и посредством благотворительности.

В годы войны ряд горожан по роду своих служебных обязанностей сталкивались с беженцами, принимая участие в их транспортировке, размещении, обеспечении питанием и т.д.

О подобных контактах в письме местного сотрудника, адресованном в Главбеж, повествующем о перемещении беженцев из Саратова в Кузнецк для размещения до 100 человек в городе и до 1200 по уезду, в июне 1916 г. сообщалось: «...на днях из Саратова будет направлен специальный поезд с 460 беженцами для размещения в уезде... Поезд с беженцами будет сопровождать командированное Саратовской городской управой особое лицо «проводник», на встречу которому Управа благоволит направить своего доверенного. Сему последнему «проводник» передаст именные списки прибывших беженцев, и в его присутствии раздаст им продовольственные пайки на 15 дней по расчету 20 коп. на человека в сутки... дальнейшее попечение о вновь прибывших беженцах принимает на себя Кузнецкая земская управа... до развозки беженцев в волости они должны быть накормлены в Кузнецке. Желательно получить горячую пищу, если же не-

**Таблица 1.** Средние цены на рабочие руки в городе Астрахань летом 1916 г.<sup>18</sup>

Специалист	Зарботная плата местного работника	Зарботная плата беженца
	Зарботная плата подённая, руб.	
кузнец	3,5–4	2–3
молотобоец	3–4	2–3
плотник	3,5–4	2,5–3
маляр	4	3,5
слесарь	4–5	2,5–3,5
Зарботная плата месячная, руб.		
прислуга	12–15	10–12
дворник	35	25–30
пекарь	70	45
извозчик	80–90	50–65
машинист	100	60–75

выполнимо, то хотя бы напоить их чаем с сахаром, а малолетних молоком и заготовить хлеб и сухую пищу, которую беженцы могли бы приобрести на розданные им пайки»<sup>19</sup>.

В Самаре в июле 1915 г. была образована педагогическая комиссия, подотчётная управлению Казанского учебного округа, в задачу которой входило обеспечение детей-беженцев всем необходимым для учёбы. На выделенные средства её деятелями были приобретены и предоставлены детям-беженцам обувь, одежда, материя для пошива одежды, книги, письменные и рисовальные принадлежности, оплачено обучение. В 1915 г. сотрудники комиссии помогли 550 детям, в 1916 г. только за обучение была внесена оплата за 178 детей-беженцев, а в 1917 г. – оказана помощь 797 детям-беженцам<sup>20</sup>.

Среди лиц, чья работа была напрямую связана с заботой о беженцах в городах, например, Саратовской губернии, можно указать главноуполномоченного по устройству беженцев в Саратовской и Астраханской губерниях Михаила Эдуардовича Ячевского, председателя саратовского городского комитета помощи беженцам Н.Н. Сиротина, попечителя общежития беженцев, состоявшего в ведении Красного Креста, Д.Е. Карноухова и других местных жителей<sup>21</sup>. Каждый день их профессиональная деятельность была посвящена помощи беженцам.

При Самарской городской думе в конце июля 1915 г. был образован комитет по оказанию помощи беженцам, а также бюро труда и комиссия по оказанию помощи беженцам на вокзале при данном комитете. Сотрудниками бюро труда стали секретарь Городской управы Н.Ф. Николаевский, гласный Городской думы Н.П. Грачёв, заведующий статистическим отделом Городской управы В.П. Кошелев и другие самарцы. Они предоставляли беженцам сведения о свободных рабочих местах, а запросов ежедневно поступало более 30. Только за период 22 сентября - 30 октября 1915 г. в бюро было

принято 337 заявок, 250 из которых удалось удовлетворить<sup>22</sup>. Сотрудниками комиссии по оказанию помощи беженцам на вокзале являлись З.М. Славянов, З.А. Пульман, В.А. Риттер и другие. В их обязанности входила организация питания для беженцев, проезжающих через станцию Самара транзитом. С середины августа 1915 г. сотрудники комиссии и бюро были привлечены к организации питания для беженцев на открывшихся питательных пунктах, где ежедневно получали обеды сначала около 1 тыс. человек, позже около 2,5 тыс. беженцев<sup>23</sup>.

Отметим, что зачастую люди, официально задействованные в оказании помощи беженцам, не могли пойти по пути исключительно предоставления таковой, были вынуждены отказывать беженцам в ходатайствах. Отчасти это было связано со сложностью или невозможностью в условиях войны выполнить некоторые запросы. Приведём примеры таких ходатайств. Так, беженка из Ковенской губернии Гоха-Рывка Фроимовна Гохтер 2 декабря 1915 г. обратилась к уполномоченному для заведывания беженцами в Саратовской губернии с прошением о высылке для неё свидетельства об окончании четырёх классов, поскольку ей был необходим документ, подтверждающий звание аптекарской ученицы<sup>24</sup>. Беженка из Киева Мария Антоновна Верещагина, проживавшая в Саратове, 17 декабря 1915 г. ходатайствовала о том, чтобы ей выдали документ, удостоверяющий, что её сын, Лев Людвигович Верещагин, в сентябре был принят в Киеве на военную службу как ратник 2-го разряда ополчения<sup>25</sup>. Беженка Анна Францевна Херуйминская, проживавшая в Саратове, в декабре 1915 г. ходатайствовала о возвращении ей денег и вещей мужа, Мархеля, который был задержан на разъезде станции Кирсанов (уездный город Пензенской губернии)<sup>26</sup>. Удовлетворение данных прошений требовало не только времени и финансов, но и транспортировки, осуществления переписки с различными инстанциями и

службами, в том числе уже эвакуированными.

Основанием для отказа в помощи могли являться трудоустройство беженцев, переселение их на новое место жительства, отказ от работы.

Так, царицынский уполномоченный по устройству беженцев Дверницкий в письме от 9 августа 1916 г. сообщал своему вышестоящему руководству в лице М.Э. Ячевского о выполнении служебных обязанностей следующее: «Докладываю Вашему превосходительству из 1957 поселян передано царицынскому земству 569; аткарскому 351; в бараках оставлены солдатские семьи 61; на частных квартирах при сохранении списков 411 отказались выехать без уважительных причин, сняты с пайков 565; из 1501 горожан предложено предупреждением в случае отказа лишатся пайков 645; снято с пайков 1 июля 514; будет снято 1 августа 342 как получивших постоянные заработки»<sup>27</sup>.

По итогам Совещания о беженцах, состоявшегося в Саратове 31 марта 1916 г., было принято решение оставить на дальнейшее проживание в городе беженцев-горожан и немногих крестьян, уже нашедших работу, с проверкой сведений о них и снимать с продовольственного и квартирного пайков<sup>28</sup>.

Деятели саратовского городского комитета по делам беженцев смогли удовлетворить прошение беженки М.Д. Латышь, прибывшей в Саратов из Холмской губернии, о выдаче ей пособия, которое она подала в ноябре 1917 г., только в феврале 1918 г., а в январе в получении пайка ей было отказано<sup>29</sup>.

Кроме должностных обязанностей забота о беженцах осуществлялась на основе добровольности, благотворительности. Её направления включали: работу в общественных комитетах, помогавших беженцам в питании, трудоустройстве, расселении, пайковом обеспечении, лечении, транспортировке; аналогичную персональную работу; организацию и проведение развлекательных программ (концертов, вечеров, спектаклей); передачу в пользу беженцев материальных ресурсов (денег, одежды и обуви и т.п.).

На территории Поволжья комитеты, занимавшиеся благотворительностью в пользу беженцев на общественных началах, часто создавались по принципу определенной национальной направленности: литовские, еврейские, польские, латышские, эстонские, немецкие, русские. Это было обусловлено как новизной этнической группы, в состав которой входили беженцы, на территории поволжских городов (в основном представителей населения прибалтийских губерний и поляков, которые держались небольшими общинами на новой территории), так и наоборот, существенной представительностью вполне определенной этнической группы – немцев на территории Поволжья.

Так, в Саратове инициатором создания Са-

ратовского комитета по устройству беженцев российских граждан немецкой национальности (устав выработан в июле 1917 г.) стал церковный совет Саратовской евангелической лютеранской церкви. В смете планируемых комитетом существенных расходов фигурировали пайки, содержание убежища, административные расходы, квартира, баня, похороны, амбулаторное лечение, оборудование бюро, канцелярские расходы, хозяйственные расходы, расходы по отоплению, но не было статьи на заработную плату сотрудников. И, хотя финансирование данных расходов шло через министерство финансов, работа, которую осуществляли сотрудники комитета, была значимой, включала составление смет расходов, выдачу пайков (пособия), расселение беженцев в убежище и организацию его функционирования, переписку с Министерством финансов и сотрудничество с Саратовским губернским совещанием по устройству беженцев в вопросах установления норм снабжения и т.д.<sup>30</sup>

Сотрудники Саратовского отдела литовского общества по оказанию помощи пострадавшим от войны осуществили наем четырёх домов для размещения 190 беженцев-литовцев в городе, урегулировали вопросы платы домовладельцам за аренду помещений, страхования недвижимости, расселения беженцев<sup>31</sup>.

Сотрудники Царицынского литовского комитета организовали приют и ясли для 60 детей беженцев<sup>32</sup>.

Сотрудники Саратовского комитета помощи беженцам русской национальности (образован 30 апреля 1917 г.) принимали ходатайства беженцев, значительная часть которых размещалась в Беженском городке (находился на Дегтярной площади на территории города Саратов), о снабжении их продовольствием (прежде всего сахаром и мукой), мылом, вели переписку с санитарным отделом Саратовской городской управы о нормах чистоты и гигиены в связи со скученностью населения на территории городка<sup>33</sup>.

Сотрудники Латышского комитета по оказанию помощи беженцам в городе Казань (образован 10 августа 1915 г.) только за первый месяц работы помогли деньгами, жильём и т.д. 317 беженцам, содействовали беженцам в предоставлении медицинских услуг, приобретении продуктов, снабжении одеждой и обувью, обучении детей, транспортировке, обеспечении жильём, деньгами<sup>34</sup>.

В Самарской губернии к весне 1917 г. на содержании национальных комитетов находилось следующее количество беженцев: латышско-эстонского – 3000, Самарского еврейского временного – 442, самарского отдела Центрального обывательского комитета Царства Польского – 6714, состояли на учёте еврейских организаций – 4426, Самарского римско-католического общества – 3774<sup>35</sup>.

При Самарском еврейском обществе с августа 1915 г. работала комиссия, сотрудники которой занимались приёмом и размещением беженцев. Для них искали жильё, обеспечивали бесплатными обедами, а больных детей – молоком. В целях трудоустройства беженцев обществом были открыты две портняжные мастерские, на работу в которые устроились 40 человек. Для бесплатного лечения больных беженцев-евреев обществом привлекались местные врачи<sup>36</sup>.

Помимо работы в национальных обществах горожане осуществляли благотворительную помощь беженцам и в рамках других структур.

В Царицыне монахи Свято-Духовского монастыря, расположенного на территории города, бесплатно устроили для беженцев-работниц в мастерских убежища-квартиры на 40 человек в здании монастыря<sup>37</sup>.

В Казани транспортировку беженцев с вокзала осуществляли добровольцы студенческой организации, а сотрудники амбулатории Казанской общины Красного Креста оказывали им бесплатную медицинскую помощь<sup>38</sup>.

Многочисленными были акции сбора средств для помощи беженцам. В частности, такая акция была проведена в маленьком городе Углич Ярославской губернии 30 августа 1915 г., и, как отмечалось в местной прессе, эта акция – «фургонный сбор по городу в пользу беженцев» дала «прекрасные результаты», подчеркнула «отзывчивость угличан»<sup>39</sup>.

Пожертвования от частных лиц поступали благотворительным обществам, осуществлявшим работу по помощи беженцам. Например, латышско-литовско-эстонский комитет в Самаре, самарское отделение центрального обывательского комитета Царства Польского, самарский еврейский комитет помощи беженцам, самарский епархиальный комитет по призрению беженцев получали средства на свою деятельность частично от пожертвований частных лиц. Только на Татьянинский комитет в Самарской губернии всего лишь за период апрель-май 1915 г. были перечислены личные пожертвования от 7198 человек<sup>40</sup>.

Особым направлением благотворительности в пользу беженцев, в ходе которой осуществлялось взаимодействие местного общества с беженцами, стала организация развлекательных программ как для самих беженцев, так и с целью сбора средств для оказания им помощи. В таблице 2 представлены данные о таких мероприятиях, их организаторах.

Тематика и форма подобных развлечений были разнообразными, включали концертные программы, литературно-музыкальные вечера, спектакли, детские ёлки. Их участниками были как профессиональные артисты, так и любительские коллективы и отдельные горожане.

Взаимодействие горожан – местного населе-

ния с беженцами происходило и в ходе межличностного общения, обусловленного пребыванием беженцев на территории города. Отметим, что не во всех, но в ряде городов Поволжья они стали весьма заметным компонентом в количественном составе населения, что отражено в таблице 3.

При этом значительная часть беженцев являлись детьми, что было связано с переселением целых семей. Так, в составе литовской семьи мещан Фуксов, прибывших в Саратов из Калишской губернии, было шестеро детей, в том числе пятеро из них – в возрасте 3-12 лет, то есть младше 14 лет – возраста трудоспособности. В составе русской старообрядческой семьи крестьян Тихановых, прибывших в Саратов из Сувалкской губернии, было восемь детей, в том числе шестеро – в возрасте от 1 месяца до 11 лет<sup>43</sup>.

В связи с тем, что среди беженцев были семьи с детьми, матери, ухаживающие за малолетними детьми, старики, значительная часть из них являлись нетрудоспособными и претендовали на получение пайкового снабжения.

Специфика контингента беженцев была особенно заметна при их расселении в городе в массовом порядке по нескольким адресам. Например, в Саратове в начале апреля 1916 г. в доме №125 на пересечении улиц Казачьей и Астраханской проживали беженцы, находившиеся на попечении отделения Саратовского комитета по оказанию помощи беженцам российского общества Красного Креста. Всего в здании были расселены 64 беженские семьи в составе 291 человека. Из них 99 человек являлись трудоспособными, а 192 – нетрудоспособными. Данные семьи прибыли из Калишской, Ковенской, Виленской, Петроковской, Ломжинской, Варшавской, Люблинской, Седлецкой, Сувалкской, Гродненской, Волынской, Плоцкой и Минской губерний. В этническом отношении среди них были представители русских, поляков, немцев, в конфессиональном плане – старообрядцы, католики, лютеране<sup>44</sup>.

В ходе наблюдения за беженцами, общения с ними рядовой обыватель острее переживал текущий исторический момент. По этому поводу житель города Рыбинск Ярославской губернии А. Ухтомский отмечал в июле 1915 г. в своём письме: «...много несчастных беженских семей... прибывающих ежедневно. Вот их так очень жалко!»<sup>45</sup>. А в рапорте о настроениях населения от ноября 1915 г. начальник Казанского губернского жандармского управления указал, что беженцы «вливают на психику простого народа», подчеркнул, что «массы беженцев... недовольны всем миром и жалуются на свою судьбу», и констатировал: «В результате у рабочих /да и интеллигенции/ создалось убеждение, что «после войны обязательно будет революция»... беженцы распространили... нежелательное настроение своими жалобами на все положительно»<sup>46</sup>.

**Таблица 2.** Благотворительные развлекательные мероприятия, проведенные в городах Поволжья для беженцев и в пользу беженцев в годы Первой мировой войны (выборочно)<sup>41</sup>

Город	Дата	Место проведения, организатор	Название мероприятия
Ярославль	20.12.1916 г.	Городской театр им. Волкова; Ярославское еврейское общество оказания помощи жертвам войны	Спектакль по пьесе С. Юшкевича «Повесть о г.Сонькине», кабаре на русском и еврейском языках, лотерея
Рыбинск	Декабрь 1915 г.	Рыбинский отдел латышского общества «Родина»	Ёлка для детей-латышей
	26.12.1916 г.	Здание Биржи, Латышское общество	Ёлка для беженцев
Нижний Новгород	11.01.1916 г.	Зал Дворянского собрания; Польский комитет жертвам войны при благотворительном обществе Нижегородского Римско-католического прихода	Спектакль «Богатая невеста» Фредро и «Шутка» Каневского в пользу малоимущих переселенцев-поляков
	17.01.1916 г.	Район Канавино; Нижегородское отделение Литовского общества по оказанию помощи пострадавшим от войны	Спектакли «Люди» (драма) и «Я умер» (комедия) в пользу беженцев-литовцев
Астрахань	15.11.1915 г.	Большой думский зал	Концерт А.С. Аренской в целях сбора средств Еврейскому обществу помощи жертвам войны
	01.10.1916 г.	Еврейский детский очаг (дом домовладелицы Рыбиной на улице Скаржиной); любители драматического искусства и музыки	Литературно-музыкальный вечер для развлечения еврейского населения – беженцев во время еврейского праздника «Куши»

**Таблица 3.** Численность беженцев в составе городского населения на территории Поволжья в годы Первой мировой войны (выборочно)<sup>42</sup>

Губерния	Отчётный период	Город	Количество беженцев	Доля беженцев в составе городского населения, %
Астраханская	01.02.1917 г.	Енотаевск	92	2,2
		Красный Яр	862	5,2
		Чёрный Яр	177	? 2
Казанская	01.11.1915 г.	Казань	7155	3,7
		Козмодемьянск	891	15
		Чебоксары	1067	18,6
		Чистополь	1654	5,8
		Царевококшайск	158	8
Нижегородская	01.01.1915 г.	Арзамас	> 5000	38
		Нижний Новгород	20000	16
Самарская	декабрь 1915 г.	Бугуруслан	534	3
		Бугульма	1317	15
		Самара	> 33000	20–30 %
Саратовская	октябрь 1915 г.	Саратов	? 15000	6,5
		посад Дубовка	720	4
Симбирская	25.01.1916 г.	Алатырь	390	1,6
		Ардагов	56	1
		Буинск	54	0,9
		Симбирск	2511	2,5
		Сызрань	2036	2,7
Ярославская	сентябрь 1915 г.	Данилов	191	8,5
		Любим	119	8,5
		Рыбинск	861	5
		Углич	335	? 8
		Ярославль	3649	7

Сосредоточение значительного количества людей в одном месте зачастую сопровождалось неблагоприятными гигиеническими последствиями для горожан, проживающих по соседству, а также общающихся с ними по роду своей деятельности. Так, представитель саратовского комитета помощи беженцам русской национальности 21 августа 1917 г. сообщал в санитарный отдел Саратовской городской управы: «В Беженском городке (Дегтярная площадь) имеются канализационные трубы для нечистот, трубы эти соединены с ретирадами. От засорения труб канализация бездействует и вследствие этого переполнившие ретирады нечистоты хлынули через край и по склону текут по улице направляясь к трамвайному пути»<sup>47</sup>. А сотрудники санитарно-исполнительной комиссии в посаде Дубовка 30 декабря 1915 г. подали прошение о страховании персонала «ввиду развития в посаде сыпнотифозных заболеваний»<sup>48</sup>.

В условиях тылового города взаимодействие горожан с беженцами складывалось в сферах обыденных житейских ситуаций, таких как сдача помещений для расселения, наем на работу (как для работодателей, так и для желающих трудоустроиться), выполнение своих служебных обязанностей. Также оно было определено нестандартной ситуацией военного времени, проявлялось в сосуществовании горожан с беженцами на общем городском пространстве, в оказании горожанами благотворительной помощи беженцам в различных формах.

Присутствие беженцев на территории поволжского города в годы Первой мировой войны подчеркивал ряд факторов, проявлявшихся как многоаспектные.

Экономический фактор включал конкуренцию на рынке свободной рабочей силы, созданную беженцами для местных обывателей; наличие дополнительной свободной рабочей силы для потенциальных нанимателей; траты средств как частных, так и из местных бюджетов на обеспечение новой, причём временной группы городского населения; получение дохода на основе предоставления услуг, адресованных беженцам; рост численности экономически неактивного населения.

Конфессиональный и национальный факторы заключались во вливании в городскую среду новых этнических и религиозных групп, непривычных, новых в составе населения поволжских городов, со своими языковыми, обрядовыми и прочими традициями.

Демографический фактор состоял: в количественном росте городского населения, в том числе в ряде населённых пунктов весьма существенном; на основе этого в повышении плотности населения при сохранении традиционной площади заселения; в увеличении доли женщин и детей в составе городского гражданского населения.

Перечисленные факторы воздействовали на повседневную жизнь горожан, внося в неё коррективы в сравнении с довоенной эпохой.

## ПРИМЕЧАНИЯ

- <sup>1</sup> Суржикова Н.В., Михалев Н.А., Пьянков С.А. Российское беженство 1914-1922 годов в контекстах новейших отечественной и зарубежной историографий // Вестник Пермского университета. Серия: История. 2012. Вып.3 (20). С.140-152. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskoe-bezhenstvo-1914-1922-godov-v-kontekstah...>
- <sup>2</sup> Лауреитов В.М., Хасин В.В. Миграционные процессы в России в первую мировую войну // Военно-исторические исследования в Поволжье: сб. науч. трудов. Вып.2 / Отв. ред. А.А. Герман. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1997. С.139-150; Солдатов Я.В. Казанское земство в период первой мировой войны: историко-политический анализ. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Казань, 2004; Цовян Д.Г. Деятельность государственных органов и общественных организаций по оказанию помощи беженцам России в годы первой мировой войны. 1914-1917 гг. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2005; Хасин В.В. Миграционные процессы в Российской империи в Первую мировую войну: По материалам Нижнего Поволжья. Саратов, 1999; Езо же. Миграционные процессы и административная структура помощи беженцам в Саратовской губернии в 1914-1916 гг. // Саратовское Поволжье: История и современность: мат. науч. конф., посвященной 200-летию Саратовской губернии. Саратов. 18-19 сентября 1997. Саратов, 1999. С.104-110.
- <sup>3</sup> Садретдинов Э.Ш. Беженцы в Арзамасе в годы Первой мировой войны // Вопросы архивоведения и источниковедения в высшей школе: мат. науч.-практ. конф. «80 лет архивной службе в городе Арзамасе» (21 апреля 2004 г.) и «Вопросы архивоведения и источниковедения» (21 декабря 2004 г.) / АГПИ им. Гайдара, ГАНО №2 г. Арзамас; науч. ред. В.И. Грубов. Арзамас: АГПИ, 2005. С.58-60; Толстова Н.Н. Беженцы в Нижегородской губернии в годы Первой мировой войны // Проблемы истории и творческое наследие профессора Н.П. Соколова: мат. межвуз. конф. Н.Новгород: ННГУ, 1998. С.231-234.
- <sup>4</sup> Курцев А.Н. Беженство // Россия и Первая мировая война: мат. межд. науч. коллоквиума. С.-Пб. филиал ИРИ РАН / Отв. ред. Н.Н. Смирнов. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. С.129, 143.
- <sup>5</sup> Семенова Е.Ю. Влияние Первой мировой войны на мировоззрение, общественные настроения и поведенческие практики городского населения поволжских губерний Российской империи (июль 1914 г. - февраль 1917 г.). Автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. Саратов, 2013. С.40.
- <sup>6</sup> Государственное казённое учреждение Ярославской области Государственный архив Ярославской области (далее – ГКУ ЯО ГАЯО). Ф. 73. Оп.1. Т.3. Д.7490. Л.3.
- <sup>7</sup> ГКУ ЯО ГАЯО. Ф.73. Оп.1. Т.3. Д.7490. Л.2, 4.
- <sup>8</sup> Национальный архив Республики Татарстан (далее – НА РТ). Ф.199. Оп.2. Д.1570. Л.77.
- <sup>9</sup> Областное государственное учреждение Государственный архив Саратовской области (далее – ОГУ ГАСО). Ф.611. Оп.2. Д.4. Л.1, 12, 24об., 34.
- <sup>10</sup> Там же. Л.27.
- <sup>11</sup> Там же.
- <sup>12</sup> Там же. Л.34-35; Ф.615. Оп.1. Д.21. Л.48-60.
- <sup>13</sup> Там же. Ф.611. Оп.2. Д.4. Л.21.
- <sup>14</sup> Там же. Л.25-26.
- <sup>15</sup> Там же. Л.29-31.
- <sup>16</sup> Там же. Ф.615. Оп.1. Д.20. Л.23-24.
- <sup>17</sup> Там же. Л.6.
- <sup>18</sup> Составлено по данным: Деятельность Астраханского

- Городского Комитета по устройству беженцев. 1915-1916. Астрахань, 1916. Таблица 4.
- <sup>19</sup> ОГУ ГАСО. Ф.615. Оп.1. Д.21. Л.120.
- <sup>20</sup> Государственное бюджетное учреждение Самарской области Центральный государственный архив Самарской области (далее – ГБУСО ЦГАСО). Ф.416. Оп.1. Д.7. Л.1-2; Д.30. Л.1-4.
- <sup>21</sup> ОГУ ГАСО. Ф.615. Оп.1. Д.21. Л.1.
- <sup>22</sup> Семенова Е.Ю. Благотворительные учреждения... Самарской и Симбирской губерний в годы Первой мировой войны (1914 - нач. 1918): Учеб. пособ. / 2-е изд. Самара: НТЦ, 2004. С.60.
- <sup>23</sup> Там же. С.61.
- <sup>24</sup> ОГУ ГАСО. Ф.1268. Оп.1. Д.1. Л.71.
- <sup>25</sup> Там же. Л.84.
- <sup>26</sup> Там же. Л.97.
- <sup>27</sup> Там же. Ф.615. Оп.1. Д.20. Л.18.
- <sup>28</sup> Там же. Д. 21. Л.2 об.
- <sup>29</sup> Там же. Ф.1270. Оп.1. Д.8. Л.6.
- <sup>30</sup> Там же. Ф.611. Оп.2. Д.19. Л. 3-4об.
- <sup>31</sup> Там же. Д.4. Л.20-21.
- <sup>32</sup> Там же. Л.33 об.
- <sup>33</sup> Там же. Д.19. Л.36-36об.; Ф.1270. Оп.1. Д.34. Л.2, 18.
- <sup>34</sup> НА РТ. Ф.406. Оп.1. Д.24. Л.1, 9, 58.
- <sup>35</sup> ГБУСО ЦГАСО. Ф.1. Оп.1. Д.6078. Л.1-10.
- <sup>36</sup> Семенова Е.Ю. Благотворительные учреждения... С.63.
- <sup>37</sup> ОГУ ГАСО. Ф.611. Оп.2. Д.4. Л. 29-31.
- <sup>38</sup> Великая Отечественная война. Казанская губерния. Краткий очерк за первый год. 1914-1915. Казань, 1915. С. 78.
- <sup>39</sup> Угличская мысль. 1915. 27 сентября. С.2.
- <sup>40</sup> Семенова Е.Ю. Благотворительные учреждения... С.37.
- <sup>41</sup> Составлено на основе данных: Государственное казенное учреждение Астраханской области Государственный архив Астраханской области (далее – ГКУ АО ГААО). Ф.289. Оп.1. Д.951. Л.183; Государственное казенное учреждение Центральный архив Нижегородской области (далее – ГКУ ЦАНО). Ф.342. Оп.1. Д.4401. Л.2, 26, 27, 30, 61, 64, 73, 75, 138, 150, 162; ГКУ ЯО ГАЯО. Ф.73. Оп.7. Д.1331. Л.9об., 13-14, 120, 124, 126, 129, 132-136, 138, 144; Рыбинский листок. 1915. 23 декабря. С.3.
- <sup>42</sup> Составлено и подсчитано по данным: Городской вестник. 1915. 8 августа. С.3; ГБУСО ЦГАСО. Ф.3. Оп.131. Д.43. Л.28; ГКУ АО ГААО. Ф.1. Оп.8. Д.1284. Л.31, 60, 85; ГКУ ЯО ГАЯО. Ф.73. Оп.1. Т.3. Д.7490. Л.23, 25, 46, 51, 54; ГКУ ЦАНО. Ф.61. Оп.216. Д.950. Л.3-6; Максимов Е.К., Тотфалушин В.П. Саратовский край в годы первой мировой войны // Энциклопедия Саратовского края (в очерках, фактах, событиях, лицах). Саратов: Приволж. кн. изд-во, 2002. С.273; НА РТ. Ф.1. Оп.6. Д.1160. Л.47; Ф.359. Оп.1. Д.642. Л.4-6, 31-33, 47, 61-62; ОГУ ГАСО. Ф.1. Оп.1. Д.9585. Л.207; Ф.1089. Оп.1. Д.656. Л.863-865; Областное государственное учреждение Государственный архив Ульяновской области (далее – ОГУ ГАУО). Ф.88. Оп.1. Т.2. Д.2094. Л.134; Памятная книжка Самарской губернии на 1916 год. Самара, 1916. С.2-3; Садретдинов Э.Ш. Указ. соч. С.58; Справочная книга Ярославской губернии на 1916 год. Ярославль, 1916. С.32; Статистический обзор Саратовской губернии за 1914 год. Саратов, 1915. Ведомость №7; Толстова Н.Н. Указ. соч. С.232.
- <sup>43</sup> ОГУ ГАСО. Ф.615. Оп.1. Д.21. Л.1, 21об.
- <sup>44</sup> Там же. Л.3-23.
- <sup>45</sup> Ухтомский А. День ожидаемого огня. Письма к В.А. Платоновой // Ухтомский А. Интуиция совести. Письма. Записные книжки. Заметки на полях / Отв. ред. А.С. Батуев; сост. А.В. Соколова, Г.М. Цурикова, И.С. Кузьмичев; предисл. Г.М. Цуриковой и И.С. Кузьмичева, примеч. Л.В. Соколовой. СПб.: Петербургский писатель, 1996. С.76.
- <sup>46</sup> НА РТ. Ф.199. Оп.1. Д.1021. Л.32-48.
- <sup>47</sup> ОГУ ГАСО. Ф.1270. Оп.1. Д.34. Д.18.
- <sup>48</sup> Там же. Ф.1268. Оп.1. Д.1. Л.130.

## INTERACTIONS BETWEEN CITIZENS AND REFUGEES IN THE REAR CITY DURING THE WORLD WAR I (ON THE MATERIALS OF THE VOLGA REGION)

© 2014 E.Yu. Semenova

Volga Branch of the Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Samara,  
Samara State Technical University

The article analyzes the areas of interaction between the townspeople and refugees in rear cities during the First World War. The author reveals the economic, ethnic, confessional, demographic factors which distinguished for local population the presence of refugees in the cities of the Volga region.

*Keywords:* refugees, daily life, townspeople, World War I, Volga region.